

БЕЛЕНЬКОВ Д. И. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

БЕЛЕНЬКОВ Дмитрий Иванович, родился в 1898 в Курске. Кадровый офицер царской армии. Летом 1921 — арестован по групповому делу «контрреволюционной военной организации на Северном Кавказе». В 1921 — приговорен к ВМН, позднее расстрел заменен на 10 лет тюремного заключения.

В мае 1923 — обратился за помощью к Е. П. Пешковой из Бутырской тюремной больницы.

<10 мая 1923>

«Бутырская тюрем<ная> больница
10/V 923 года.

Многоуважаемая
Екатерина Павловна!

Прежде всего прошу извинить меня за то, что я из больницы Вам не написал ни одного письма и не поблагодарил за Ваше предупредительное внимание к моему тяжелому положению. Дело вот в чем — в субботу перед страстной неделей меня из 7-й палаты начальник, явившись с двумя помощниками и пятью надзирателями, с искаженным бешенством лицом, обращаясь ко мне, процедил сквозь зубы: "Я перестрелял в Крыму такой сволочи, как Вы, пять тысяч человек, а потому не позволю, чтобы в этой больнице белогвардейцы ругали коммунистическую партию и советскую власть; сегодня же возбужу ходатайство о пересмотре Вашего дела, сам буду свидетелем на суде и сам помогу расстрелять Вас". После такого злобного монолога он отдал своей свите опричников короткий приказ: "В третий изолятор!"

Меня быстро доставили по адресу и вкинули к двум сифилитикам. Двери день и ночь закрыты, дышать приходилось испарениями от частых промывок, спринцований и уколов этих полусгнивших трупов. Благодаря нашему врачу, объявившему резкий протест начальнику, по ее требованию через пять суток сифилитиков от меня забрали, а на их место ко мне в изолятор перевели из одной камеры 7-го изолятора Абрамова, страдающего сильными припадками эпилептика. И вот с этими людьми, нет, уж лучше сказать, в этом аду, мне пришлось встречать и праздновать Пасху. У Абрамова начинается припадок, а у буйно помешанного под впечатлением этого припадка приступ бешенства; дверь день и ночь закрыты, и я сам с одной рукой вот с ними должен был быть в этом аду до тех пор, пока от усталости и напряжения не засыпал. Если бы не вмешательство и не протест нашего доктора Тамары Исаевны Ельевич, категорически потребовавшей моего перевода обратно в 7-ю камеру и поставившей этот вопрос перед начальником ребром, этот кошмар продолжался бы. Не нахожу слов восхищения перед геройством доктора, ведь в ее условиях это большое геройство и величие души, и не имею возможности ее благодарить, а потому прошу вас, многоуважаемая Екатерина Павловна, если возможно, увидеть ее и поблагодарить за все изложенное мной.

Не думайте, пожалуйста, что на этом и кончилась история провокации, нет. 26-го апреля главное управление мест заключения запросило отношением за № 7710, могу ли я следовать в Петроградскую изоляционную тюрьму. Как видно, перемена Вятского централа на Петропавловскую крепость — следствие возбужденного ходатайства начальником. Но врачом сообщено, что сейчас является необходимым для скорейшего лечения моей руки производство хирургической операции. Не правда ли, вот пощечина, так пощечина по офицерскому и чекистскому самолюбию?! Теперь он меня совершенно оставил в покое и даже больше этого, избегает меня. Не откажите выяснить вопрос перемены места моего заключения и причины этого факта.

Поделившись с Вами своими горестями и издевательствами надо мной, я прошу мне помочь собрать материал нашего дела (процесс князя Ухтомского¹ № 337). Прежде всего не откажите, если можно достать из суда Воен<ой> Коллегии Верх<овного> триб<унал>а копии обвинительного заключения и приговора за подписью и приложением установленной печати, а также речь прокурора Васильева, а потом газеты "Известия", №№ не помню, кажется, четыре с ноября 1921 года, после того, как в Ростове-на-Дону была в подвалах Особого отдела расстреляна последняя группа из двух с половиной тысяч преданных на расстрел князем Ухтомским — за жизнь его — а его самого по этой реке крови перевезли в Москву и поместили во внутреннюю тюрьму ВЧК, снабжая его портвейном и тортами, после чего он на суде сам заявил это, почувствовал себя гражданином свободной страны. Мне эти материалы сейчас больше чем необходимы, так как я сейчас пишу историю процесса. Необходим № "Правды" от 3/1-1923 года.

Меня обрадовал запрос Полины Львовны Калашниковой и то, что они теперь будут иметь возможность знать — где я и что со мной. Дополнительно к тому, что я написал на обороте Вашего отношения, прошу сообщить ей, что я по статье 60 УК приговорен к высшей мере наказания, по ст<атье> 66 — к высшей мере наказания, а по совокупности приговорен — "расстрелять, как упорного злостного контрреволюционера, не обнаружившего ни малейших признаков раскаяния и не желавшего ни на предварительном, ни на судебном следствии содействовать раскрытию преступления, амнистий ВЦИКа не применять". Точная выписка есть в приговоре. Кроме этого для починки полученных от Вас ботинок и деньги на газету, а то здесь можно совсем одичать, газета же хоть и односторонне, все же дает возможность следить за событиями в мире.

Да, я было и забыл, — сообщите мне, было ли что в печати за границей о нашем процессе? Если было, то где и что? Для моей работы это очень важно.

В конце письма разрешите еще раз благодарить Вас, многоуважаемая Екатерина Павловна, просить извинить меня и напомнить, что уже стали пускать больных на прогулки, а я не хожу, если Вы имеете возможность, то не откажите прислать гимнастерку и брюки.

Будьте здоровы, целую Вашу руку. Д. Беленьков.

Я хотел бы прочитать: "Записки графа Витте" и "Мемуары фельдмар<шала> Гинденбурга"².

В ноябре 1925 — Дмитрий Иванович обратился с заявлением во ВЦИК

<9 ноября 1925>

«ВЦИК

Протестуя против произвола, издевательства и подлой наглой провокации в изоляторе "Кресты", вынудившей меня в мае 1924 года голодать четырнадцать суток, я просил ВЦИК заявлением от 30-го мая избавить меня в дальнейшем от продолжения произвола и издевательства и повторения провокаций. В ответ на это заявление Главное Управление Местами Заключений отношением от 17-го сентября 1924 года за № 15503 предписало Начальнику Ленинградского изолятора "Кресты" отправить меня в Вятский Исправдом, но Начальник изолятора "Кресты", продолжая содержать меня в продолжение восьми месяцев после этого распоряжения в одиночном заключении, совсем не думал исполнять его. И только после неоднократных запросов я был отправлен в Вятку. По прибытии в Вятку 9 мая меня заключили не в Исправдом, а в Изолятор, где и отбываю наказание до сего времени <...>.

А потому, находясь в настоящее время в таком положении, как в мае месяце 1924 года, я, протестуя против постановления Губ<ернской> распред<елительной> комиссии, являющегося продолжением грубого произвола

¹ Ухтомский Константин Эрастович.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 8. С. 87-90. Автограф.

и издевательства, также, как и 20 мая 1924 года, вынужден был сегодня в 2 часа дня объявить ГОЛОДОВКУ <...>³.

29 ноября 1925 — из Ленинградского отделения ПКК пришло сообщение Пешковой Е.П. о том, что с 9 по 25 ноября Дмитрий Иванович голодал в Вятском изоляторе, требуя улучшения режима. Юридическая Комиссия ПКК обратился в ГПУ с заявлением, в котором просила выяснить ситуацию с голодающим заключенным. Обращение ПКК сразу же изменило ситуацию в Вятском изоляторе. В декабре 1925 — Дмитрий Иванович подробно написал об этом Е. П. Пешковой.

<2 декабря 1925>

«Многоуважаемая
Екатерина Павловна!

Голодовку я снял только после того, как получил телеграмму из Москвы. Вот ее точный текст:

"Изолятор, заключенному Дмитрию БЕЛЕНЬКОВУ.

Вятка - Москвы.

Советую голодовку прекратить, постараюсь сделать, что возможно. Зампред<седателя> Верх<овного> Суда Союза Васильев-Южин".

Не мог сообщить Вам потому, что был и сейчас есть очень слаб. Кроме же этого, самой главной причиной моего молчания было следующее: после пятнадцати суток голодовки, которые я голодал в одиночке № 6, меня перевели в больницу, палата № 20, где доктор назначил мне питательную клизму, от которой я категорически отказался, на что доктор Поленов (осужденный рецидивист, здесь отбывает заключение) пригрозил мне применением насилия. И действительно, на шестнадцатые сутки голодовки явился сам начальник изолятора Дудин с шестью дежурными надзирателями и под руководством этого заключенного, доктора Поленова, набросившись на меня, стали поворачивать лицом вниз, срывая с меня кальсоны. Протестуя против этого кошмарного насилия, я, собрав свои последние силы, стал кричать и биться. Начальник изолятора Дудин, чтобы не дать мне кричать, навалился мне на голову и своими руками зажимал мне рот. Клизмы я, оказав сопротивление, ставить так и не дал, зато эта борьба с шестью здоровыми людьми окончательно подорвала мои силы и здоровье.

На другое утро после этого грубого насилия губ<ернским> инспектором мест заключения была мне объявлена под расписку телеграмма от Глав<ного> Упр<авления> мест заключения, которой предписывалось мое личное дело направить в Москву. Хотя мои силы совершенно были подорваны, я его предложение снять голодовку отверг и только на семнадцатые сутки, получив телеграмму из Верх<овного> Суда Союза, ее прекратил <...>⁴.

Дмитрий Иванович Беленьков был переведен в Курскую тюрьму. В 1928 — находился в ссылке в Архангельске, потом переведен в Вологду, а с октября 1929 — работал на строительстве Архангельского комбината. 7 августа 1937 — арестован за «контрреволюционную агитацию». 15 сентября 1937 — приговорен к ВМН и расстрелян⁵.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 65. С. 78-79. Автограф.

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 65. С. 86. Автограф.

⁵ «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.